

Пеллико Сильвио

Об обязанностях человека

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С36

С36 **Сильвио П.**
Об обязанностях человека / Пеллико Сильвио – М.: Книга по Требованию,
2022. – 80 с.

ISBN 978-5-521-27459-8

ISBN 978-5-521-27459-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БІОГРАФІЯ Сильвіо Пеллико.

Сильвіо Пеллико родился около 1789 г. въ городѣ Салуццо, въ Пьемонтѣ. Родители его Окорато Пеллико, уроженецъ того же города, и Марія Турнье, родомъ изъ Шамбери. У нихъ было всего три сына и три дочери: старшіе—Луиджи и Джузеппина, средніе—Сильвіо и Розина (близницы), младшіе—Франческо и Маріетта. Мать ихъ прекрасная Савоярка, была нѣжной кормилицей и первой наставницей своихъ дѣтей не только въ знаніяхъ, но и въ добрыхъ правилахъ и лучшихъ примѣрахъ. Эти уроки начались рано. Окорато Пеллико слылъ королевскимъ приверженцемъ, и, среди смятеній, неизбѣжныхъ при большихъ общественныхъ переворотахъ, подвергся преслѣдованію. Спасаясь въ горахъ съ беременной супругой и малолѣтними дѣтьми, онъ тогда уже имѣлъ случай дать Сильвіо первые жестокіе уроки злополучія и твердости, съ какой великодушный человѣкъ долженъ переносить удары судьбы. При внезапномъ поворотѣ счастія, когда королевская партія снова усилилась, домъ Окорато признанъ былъ надежнымъ убѣжищемъ, и изгнанники противной партіи, полагаясь на великодушіе этого гражданина, искали у него спасенія. Непорочность нравовъ, гостепріимство, постоянная любовь къ ближнему—вотъ добродѣтели наиболѣе отличавшія домъ, въ которомъ родился Сильвіо. Отсюда началась та пламенная любовь, которую онъ всегда

питалъ къ своимъ родителямъ, почитая ихъ лучшими изъ людей.

Слабый тѣлосложеніемъ и подверженный частымъ болѣзнямъ въ младенчествѣ, Сильвіо, можно сказать, колебался между жизнью и смертію. Медики, предсказывая ему смерть на седьмомъ году, и видя, что онъ остался въ живыхъ, рѣшили, что онъ, хотя и пережилъ первые семь лѣтъ, но не переживетъ другихъ семи. По прошествіи же этого срока, объявили роковымъ опять-таки третье семилѣтіе. Но всѣ пророчества медиковъ не сбылись.

Въ первую болѣзнь нѣжная мать спасла Сильвіо собственнымъ молокомъ. Поистинѣ можно сказать, что эта достойная женщина нѣсколько разъ дала жизнь своему любимому сыну. Въ другіе два періода болѣзни природа явилась столь же нѣжной матерью.

Въ промежуткѣ этихъ болѣзней Сильвіо, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Луиджи, бралъ первоначальные уроки у одного священника, по имени Донъ-Мановелла, который и послѣ того уже, когда они стали посѣщать публичныя школы, готовилъ ихъ къ экзаменамъ, при переходѣ изъ одного класса въ другой. Въ составъ ихъ ученія входило, между прочимъ, заучиваніе наизусть маленькихъ комедій или отдѣльных сценъ, которыя потомъ пересказывали они въ присутствіи своихъ знакомыхъ. Отсюда родилась у обоихъ дѣтей склонность къ драматическому искусству.

Прекрасная Розина, родившаяся въ одно время съ Сильвіо, была засватана двоюроднымъ братомъ его матери, жившимъ въ Ліонѣ. Сильвіо, не желая разстаться съ любимой сестрой, сопровождалъ ей и пробылъ въ Ліонѣ четыре года. Разсудокъ его былъ какъ-бы погруженъ въ летаргическій сонъ, когда (въ 1806 г.) «Гробницы» (Sepolcri) Уго Фосколо появились въ Миланѣ. Луиджи Пеллико тогда-же одинъ экземпляръ этой поэмы послалъ своему брату. Она, подобно трубному гласу, исторгла юношу изъ постыднаго

усыпленія. Читая ее, Сильвіо, сдѣлавшійся было совершеннымъ французомъ по мыслямъ, привычкамъ и языку, снова созналъ себя итальянцемъ и поэтомъ. Съ этой минуты занятія его приняли другое направленіе.

Семейство Пеллико проживало тогда въ Миланѣ, гдѣ отецъ его находился въ качествѣ начальника отдѣленія по военному Министерству, а братъ секретаремъ у оберъ-штаб-мейстера маркизы Капрары. Сильвіо возвратился къ роднымъ въ 1810 г.

Миланъ, подъ владычествомъ Наполеона, можно было по справедливости назвать итальянскими Афинами, и двое отличныхъ писателей, Винченцо Монти и Уго Фосколо, оспаривали тогда тамъ другъ у друга пальму литературнаго первенства. Вѣчно враждуя между собой, они оказывали Сильвіо одинаковое доброжелательство, но пѣвшая душа его привязалась болѣе къ автору «писемъ Ортиса». Въ это время, подъ вліяніемъ игры на маленькомъ театрѣ Шарлоты Маркіони, онъ написалъ двѣ трагедіи: «Леодикей» и «Паола и Франческа».

Нѣсколько лѣтъ спустя «Маркіони» приобрѣла уже блистательную извѣстность въ разныхъ городахъ Италіи и появилась снова въ Миланѣ на Королевскомъ театрѣ.

Здѣсь Пеллико познакомился съ нею, и «Франческа», оставшаяся, до тѣхъ поръ въ забвеніи, снова была возобновлена на сезонъ. Потомъ ее повторили въ Неаполѣ, Флоренціи и на всѣхъ театрахъ Италіи, съ постепенно возрастающимъ успѣхомъ.

Изъ Милана Пеллико ѣздилъ съ братомъ въ Мантуя и посѣтилъ въ Мантуанской крѣпости своего друга, доктора Разори, заключеннаго австрійскимъ правительствомъ вмѣстѣ съ другими политическими преступниками. Кто бы сказалъ Сильвіо въ то время, когда онъ, растроганный, обнималъ почтеннаго друга и говорилъ объ его семействѣ, кто-бы сказалъ ему, что нѣкогда онъ самъ будетъ заточенъ, и еще въ

болѣе ужасную темницу, и по той же самой причинѣ; только никому изъ прежнихъ друзей его не будутъ позволять пропикнуть въ его желѣзную могилу, которая должна была погрести его заживо; никому не позволять побесѣдовать съ нимъ о родныхъ его, смѣшать свои слезы съ его слезами и сказать утѣшительно слово, которое бы пролило отраду въ душу страдальца.

Возвратясь въ Миланъ, Пеллико продолжалъ жить въ домѣ Порро, въ этомъ храмѣ гостепріимства и изящнаго вкуса, который посѣщали знаменитѣйшіе итальянскіе художники, литераторы, ученые и замѣчательные путешественники. Тутъ онъ узналъ г-жу Сталь, Гобюуса, Байрона, Девиса, Брума, Торвальдсена и многихъ другихъ. Пеллико перевелъ прозой Байронова Манфреда, а Байронъ взялъ у него рукопись «Францески», уже известной на сценѣ, но еще не напечатанной, и, черезъ два дѣя послѣ того, возвращая ее автору, сказалъ: «Не прогнѣвайтесь, что я перевелъ ее (переводъ былъ въ стихахъ); и вамъ бы точно также слѣдовало перевести Манфреда стихами.

Въ 1820 году Сильвіо окончилъ новую трагедію: «*Infamia di Messina*», изданіе которой встрѣтило большія препятствія со стороны цензуры.

Въ это время молодой трагикъ помогалъ другому обширнѣйшему предпріятію, которое было ограничено въ своемъ планѣ и во время своего существованія не произвело того дѣйствія, котораго можно было-бы ожидать. Мы разумѣемъ журналъ, издававшійся подъ именемъ «Посредника» (*Il Conciliatore*). Цѣлью этого журнала было дать умамъ новое литературное направленіе.

Знаменитые писатели и ученые споспѣшествовали этому предпріятію. Джоя, Романьоле, Ресси, Пеккьо, Графъ, Арривабене, Маркизь Г. Висконти доставляли статьи по части политическихъ наукъ и законовѣднія; астрономы: ПIANO, Карпини, Музотти—по части наукъ точныхъ; Разори, по части

медицины; Сильвіо Пеллико, А. Манзони, Скальвини, П. Борсіери, Баронъ К. Угони, маркизь Лудовико Бреме и другіе — по части словесныхъ наукъ.

Изданіе продолжалось до 1820 г. когда издатели Посредника, день-о-то-дня все болѣе стѣняемые взыскательностью цензуры, и не имѣя матеріаловъ для пополненія журнала, увидѣли себя въ необходимости прекратить изданіе. Это случилось за нѣсколько мѣсяцевъ до революціи, которая вспыхнула въ Неаполѣ и заволновала Ломбардію. Въ началѣ сентября того-же года Пеллико предпринялъ поѣздку изъ Павіи въ Венецію.

Въ это время Австрія издавала прокламаціи противъ тайныхъ обществъ. Ночные сыщики явились въ Миланѣ, и въ число арестованныхъ попалъ Пьеро Марончелли, задушевный другъ Сильвіо Пеллико.

Возвратясь изъ Венеціи, Пеллико спѣшить въ домъ Марончелли и узнать, что Марончелли арестованъ. Пеллико отправляется въ деревню Бальбіанино, на озеро Камо по какимъ-то дѣламъ графа Порро, но только является въ Миланъ, какъ вдругъ кто-то подходитъ къ нему и говорить на ухо: — «Полиція васъ ищетъ!» «Ей извѣстно, гдѣ я живу; иду дожидаться ея»: отвѣчалъ Сильвіо. Но его уже ожидали. Дѣятельные сыщики отобрали у него всѣ бумаги, книги письма; потомъ съ необыкновенной вѣжливостью пригласили слѣдовать за ними въ тюремный замокъ. св. Маргариты. *)

Тутъ продержали его четыре мѣсяца; потомъ перевели въ Венецію, гдѣ находилась комиссія, долженствовавшая произвести слѣдствіе надъ нимъ и надъ другими политическими преступниками. Вскорѣ душа поэта «примиряясь съ своимъ положеніемъ, стала искать убѣжища отъ тюремныхъ заботъ въ безмятежномъ святилищѣ искусства.

Трәредіи «Ester d'Engaddi» и «Jginia d'Asti» и «Кани-

*) Замокъ св. Маргариты находится въ центрѣ Милана.

зики» Tancreda, Rositde, Dalafrido и Adello, не считая многих других, не dokonченныхъ. Изъ Венеціи Пеллико былъ переведенъ (11 января 1822 г.) въ замокъ св. Михаила на островъ Мурано (въ окрестности Венеціи), гдѣ узналъ наконецъ объ участи своихъ товарищей, и вскорѣ потомъ о судьбѣ, которая готовилась и ему самому въ Шпильбергѣ.

21 февраля того-же года, въ присутствіи комиссіи, прочитанъ былъ приговоръ, осуждавшій Пеллико какъ Карбонаро **) на смертную казнь, и непосредственно за тѣмъ прочитанъ былъ также и рескриптъ, которымъ казнь замѣнялась 15-ти лѣтнимъ тяжкимъ заключеніемъ въ крѣпости Шпильбергѣ, близъ Брюнна (въ Моравіи). Послѣ этого ему позволено было стать вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Моранчелли, съ которымъ, на другой день, онъ и долженъ былъ выслушать приговоръ публично, стоя на эшафотѣ. Черезъ мѣсяцъ комиссаръ объявилъ имъ, что дни заключенія будутъ считаться не въ 24 часа, а въ 12, давая этимъ знать, что наказаніе вполнину уменьшается.

10 апрѣля (1822 г.) осужденные прибыли къ мѣсту своего назначенія и въ тотъ-же день были заперты въ разныхъ камерахъ. Тутъ одѣли имъ арестантское платье и заковали ноги, и отсюда начинаются дни лишеній и страданій какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ. Въ началѣ 1825 года Сильвіо, котораго здоровье становилось день-ото-дня хуже, вдругъ почувствовалъ себя такъ худо, что потребовалъ духовника; но къ концу второй недѣли послѣдовалъ переломъ, и опасность миновала. Въ то же время страдалецъ былъ обрадованъ товариществомъ Марончелли, томившагося до тѣхъ поръ въ особомъ подземельѣ. — «Характеръ Марончелли», говоритъ Пеллико въ своихъ запискахъ, «былъ такой же, что и мой. Мужество одного поддерживалось мужествомъ другого.

*) Карбонари (Угольщики),—названіе одного тайнаго политическаго общества въ Италіи, имѣвшаго многочисленныхъ сообщниковъ по всѣхъ сословіяхъ, а, особенно, въ военномъ и духовномъ.

Если одинъ предавался грусти или порывамъ негодованія на жестокость нашего положенія, то другой уничтожилъ его какой-нибудь шуткой или простыми разсужденіями. Сладкая улыбка почти всегда обличала наши страданія».

«Пока у насъ были книги, хотя уже сто разъ читанныя, мы находили въ нихъ пищу для ума, потому что онѣ давали поводъ къ новымъ разборамъ, сравненіямъ, сужденіямъ, повѣркамъ и проч. Большую часть дня мы проводили въ чтеніи или въ безмолвномъ размышленіи, посвящая бесѣдѣ время обѣда, прогулки и весь вечеръ.

Марончелли, въ своемъ подземельи, сочинилъ множество прекрасныхъ стиховъ. Онъ пересказалъ мнѣ ихъ наизусть *) и сочинялъ новые. Я также сочинялъ и пересказывалъ ему, изощряя такимъ образомъ свою память. Мы приобрѣли удивительную способность сочинять стихами длинныя пьесы на память, исправлять ихъ тысячу разъ и доводить до такой отдѣлки, какую онѣ приняли бы и на бумагѣ. Марончелли сочинилъ такимъ образомъ, мало-по-малу и удержалъ въ памяти нѣсколько тысячъ стиховъ лирическаго и эпическаго содержанія. Я сочинилъ трагедію «Leoniero da Dertona» и разныя другія пьесы.

«Съ умноженіемъ строгостей», продолжаетъ Пеллико, «жизнь наша становилась день-о-то-дня однообразнѣе. Какъ протекалъ для насъ весь 1824, 25, 26 и 27 годъ? — У насъ отняли книги, на временное употребленіе которыхъ мы имѣли разрѣшеніе отъ губернатора. Темница сдѣлалась для насъ настоящей могилой, въ которой намъ не давали только могильнаго спокойствія. Въ урочный день каждаго мѣсяца директоръ полиціи, въ сопровожденіи одного офицера и нѣсколькихъ солдатъ, проходили дѣлать въ ней тщательный обыскъ. Насъ раздѣвали до гола, разсматривали всѣ швы на платьѣ, чтобъ удостовѣриться, не скрыто-ли въ нихъ какой-нибудь

*) Узники никакъ не могли допроситься бумаги и чернилъ.

бумаги или чего другого, распарывали наши соломенники и обшаривали ихъ внутри. Хотя и нельзя было найти у насъ ничего запрещеннаго, но въ этомъ внезапномъ и непріязненномъ посѣщеніи, повторяемомъ до безконечности, было нѣчто такое, что раздражало меня и всегда бросало въ лихорадку». (Гл. LXXX).

Въ концѣ 1826 г. были освобождены двое изъ тюремныхъ товарищей Пеллико, и это дало поводъ нашимъ узникамъ думать на счетъ близкаго конца и ихъ неволи».

«Въ исходѣ 1827 г., «пишетъ Сильвіо», мы надѣялись, что декабрь мѣсяцъ, вѣроятно, назначенъ срокомъ возвращеніи намъ милостей. Но декабрь прошелъ, — и ничего не случилось».

Мы продолжали ждать до лѣтней поры 1828 года, когда оканчивались для меня семь съ половиною лѣтъ наказанія, равнявшихся, по словамъ Императора, пятнадцати, если только считать ихъ со дня моего ареста, и это предположеніе было самое правдоподобное; но всевозможные сроки прошли, а милость не явилась (Гл. LXXXVI)

Наконецъ, уже 1 марта 1830 (спустя 10 лѣтъ послѣ того, какъ Пеллико лишился свободы, и 8¹/₂, какъ находился въ тягломъ заключеніи, объявлено ему и Марончелли о помилованіи. Но не прежде, какъ 17 сентября (день прибытія его въ Туринъ) Сильвіо могъ радостно обнять всѣхъ, ему милыхъ и близкихъ.

Съ признательностью упоминаетъ Пеллико о тѣхъ добрыхъ людяхъ, которые старались, по возможности, облегчить его ужасное положеніе. Первое мѣсто между ними занимаетъ кто бы могъ подумать? — тюремщикъ его, Шиллеръ; за нимъ помощники (Jesondini) его — Карлъ и Кунда. О генералъ-губернаторѣ Моравіи и о семествѣ главнаго инспектора на Шпильбергѣ упоминаетъ онъ съ тѣмъ же чувствомъ. — Какъ трогательно нѣжное человѣколюбіе, оказываемое узникамъ тюремными стражами! — О, люди не такъ еще испорчены, не

такъ злы, какъ многимъ кажется! У всякаго народа и во всякомъ состояніи найдутся души, послушныя высокому призванію человека — оказывать ближнему своему любовь, состраданіе и помощь. Духовенство явило также убѣдительныя доказательства этой истины. Всѣ чиновники тюремнаго замка, всѣ инспекторы и начальствующія лица пребывали строгими исполнителями своихъ обязанностей; но никто изъ нихъ не позволялъ себѣ произвольнаго притѣсненія или оскорбительной насмѣшки. Въ нихъ замѣтно было, напротивъ того, постоянно живое участіе въ судьбѣ узниковъ. Директоръ полиціи, инспекторъ спѣшать увѣдомить ихъ о помилованіи, не упускалъ ни одной минуты для сообщенія имъ этой радостной вѣсти. Комиссаръ, провожавшій обоихъ друзей на обратномъ пути въ Италію, былъ человекъ отлично образованный и благородный, нисколько не похожій на тайнаго лазутчика. Въ подчиненномъ ему, Штундбергерѣ, Сильвіо встрѣтилъ добраго, радушнаго нѣмца. Обо всѣхъ этихъ лицахъ Пеллико сохранилъ горестно-нѣжное воспоминаніе. Это приносить ему столько же чести, сколько и имъ.

Возвращенный свѣту, пѣвецъ Франчески поселился въ Туринѣ, живя уединенно среди своего семейства. Въ этомъ уединеніи онъ приготовилъ къ изданію журналъ своихъ десятилѣтнихъ страданій, извѣстный подъ заглавіемъ: «*Le mie Prigioni*», (Мои темницы) и обдуманное имъ еще подъ сводами Венеціанскихъ Пьомбъ сочиненіе «*Dei Doosri degli Uomini*» (о должностяхъ человека) составляющее какъ бы перечень жизни страдальца. Въ эти же пять лѣтъ изданы имъ разновременно трагедіи: *Iismonda da Mendrisio*, *Erodiade et Tommaso Moro*.

Въ «Джизмондѣ», подобно какъ въ «Леонеро», Пеллико, изображая ужасы гражданскихъ междоусобій въ XII вѣкѣ, имѣлъ цѣлью доказать, какъ пужно для общества, чтобы добрые граждане оказывали другъ другу взаимное снисхожденіе, примирались бы между собой чистосердечно, и какъ

соблюденіе этихъ условій можетъ быть спасительно въ тяжкихъ испытаніяхъ. Въ послѣднихъ двухъ трагедіяхъ авторъ старался представить съ одной стороны—нравственную красоту въ характерѣ человѣка, безстрашно высказывающаго истину не по внушенію духа ненависти и высокомерія, но по духу благочестія, а съ другой—жалкую участь людей, сдѣлавшихся неспособными къ благороднымъ пожертвованіямъ. Вникая въ духъ всѣхъ вообще сочиненій Пеллико, нельзя не замѣтить въ нихъ частаго проявленія трехъ исключительныхъ чувствъ: любви семейственной, любви къ родинѣ и любви къ человѣчеству. Эти чувства дышатъ увлеченіемъ и въ нихъ-то собственно и заключается отличный, своеобразный характеръ пьемонтскаго поэта и его будущая слава.

Послѣднее сочиненіе Пеллико, сколько намъ извѣстно, это небольшая поэма или повѣсть въ стихахъ, подъ названіемъ; «*Eugilde della Rossia*». Душа и дарованіе поэта являются и здѣсь въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. С. Пеллико подарилъ ее попечителямъ дома умалишенныхъ въ Туринѣ, открывшимъ благотворительную лоттерей для доставленія этому заведенію пособія, въ которомъ оно имѣло крайнюю нужду.
